

Марина
СЕРОВА

**Билет
в счастливую
жизнь**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Марина Серова

Билет в счастливую жизнь

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Билет в счастливую жизнь / М. С. Серова — «Эксмо»,
2023 — (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-04-179147-6

Марина Серова – феномен современного отечественного детективного жанра. Выпускница юрфака МГУ, работала в Генеральной прокуратуре. С 1987 года по настоящее время – сотрудник одной из специальных служб. Участвовала в боевых операциях и оперативных мероприятиях. Автор ряда остросюжетных повестей, суммарный тираж которых превышает двадцать миллионов экземпляров. К частному детективу Татьяне Александровне обращается балерина Масленникова с просьбой найти убийцу ее бывшего мужа, известного художника Иннокентия. Татьяна вспоминает, что в другом городе было совершенно похожее преступление, и отправляется туда, чтобы проверить, не связаны ли убийства между собой. А в это время из квартиры художника похищают статуэтку Будды, в которой были спрятаны драгоценности. Преступники опережают частного детектива на один шаг, но только до поры до времени...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-179147-6

© Серова М. С., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Серова

Билет в счастливую жизнь

© Серова М.С., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава 1

Капли дождя методично барабанили по козырьку моего застекленного балкона. Я, не открывая глаз, повернулась на другой бок и полежала еще какое-то время. Встать с постели не хотелось от слова «совсем». В конце концов, я не так давно завершила очередное расследование довольно запутанного преступления. Поэтому теперь наслаждалась заслуженным отдыхом, то есть ничегонеделанием. В принципе можно было бы заняться поисками подходящего тура. Но полоса дождей начисто отбила всякое желание что-то планировать, рыскать по интернету в поисках интересных мест и заниматься оформлением поездки.

С другой стороны, я с содроганием вспоминала прошлое лето с его просто адски невыносимой жарой. Не спасал даже кондиционер. Впрочем, под ним целое лето не просидишь. К тому же мне именно в эту жару приходилось практически без перерыва расследовать два непростых дела. Так уж получилось, что мне поступили заказы с перерывом всего в два дня. Но в моем статусе частного детектива отказываться от клиента по причине неиспользованного отдыха – непозволительная роскошь. Кто знает, сколько времени потом придется ждать очередного звонка с просьбой найти преступника.

Это лето выдалось на редкость дождливое. По пальцам можно было пересчитать те дни, когда на Тарасов не обрушивались ливни с грозами. По этой причине мне удалось встретиться со своими подругами – Ленкой-француженкой и Светкой-парикмахершей – всего пару раз. Я даже не выбралась в бутик модной одежды, для того чтобы обновить свой гардероб, что я регулярно делаю, как только в руках у меня оказывается гонорар за проведенное расследование.

Но все когда-нибудь заканчивается. Полоса дождей тоже закончится, наступит солнечная, но нежаркая погода. На этой позитивной мысли я задремала.

Из дремы меня вывел телефонный звонок. Ответила я на него не сразу, поскольку какое-то время занималась поисками трубки. Где же я ее оставила? А-а, вспомнила, трубу я вчера положила на тумбочке в прихожей. Пришлось встать с постели.

– Алло, я слушаю, – сказала я, взяв трубку.

– Тань, – раздался голос Ленки-француженки, – ты что, все еще спишь, что ли?

– Да, собственно, Лен, уже и не сплю. Так, дремлю, погода такая, что расслабляет до предела. Ничего не хочется делать.

– Я согласна с тобой, дожди уже достали. Но нельзя поддаваться лени, – назидательно произнесла подруга. – А то так чего доброго превратишься в Обломова женского пола. Помнишь героя романа Гончарова, который практически все время проводил на диване, а просыпался далеко за полдень?

– Ну, Лен, мне такое вряд ли грозит. Поспать до полудня я, конечно, могу, но только тогда, когда валяюсь с ног. А это бывает обычно во время или после очередного расследования, – объяснила я.

– А сейчас ты на отдыхе или занимаешься поисками преступника? – поинтересовалась Ленка.

– Сейчас я завершила очередное дело и отдыхаю, – ответила я.

– Здорово! – радостно воскликнула подруга. – Тогда я приглашаю тебя культурно отдохнуть.

– Ну, что же, я не против культурного отдыха. А куда мы пойдем? – спросила я.

– Сегодня вечером в нашем театре оперы и балета будет идти «Спящая красавица», – ответила Ленка. – Так что готовься, подруга.

– А у тебя что, и билеты уже имеются? – спросила я.

– У меня есть контрамарка на два лица, – сообщила Ленка.

– О, и как же ты ее получила? – поинтересовалась я.

– А мне ее дала Виктория Масленникова, репетитор балетной труппы театра, а в прошлом прима-балерина, – объяснила подруга.

– А я и не знала, Лен, что ты водишь знакомство с такими знаменитостями. Прима-балерина! Надо же!

– Да мое знакомство с Масленниковой не сказать что тесное. Просто Виктория Леонидовна по совместительству преподает классический танец в колледже искусств. А я там подрабатываю, заменяю ушедшую в декретный отпуск преподавательницу французского языка. Вот в колледже мы с Масленниковой и познакомились. Очень хорошая женщина: и привлекательная, несмотря на то что ей уже за сорок, и эрудированная, и образованная. Так что, Тань, готовься к вечеру.

– Я поняла тебя, Свет. Не бойся, не подведу, предстану перед взыскательной театральной публикой в наилучшем виде, – шутливо заметила я.

– Ну, тогда до вечера.

– Да, до вечера, пока, Свет.

Закончив разговор, я вернулась в спальню и подошла к окну. Кажется, дождь уже закончился, небо немного посветлело. Будем надеяться, что до театра удастся добраться без зонтика.

Я пошла в ванную комнату и приняла контрастный душ, затем насухо растерлась махровым полотенцем. Перейдя в гостиную, я проделала необходимые для поддержания спортивной формы упражнения. Ну вот, теперь можно и заняться завтраком.

На кухне я первым делом занялась ревизией холодильника. Да, большинство полок заметно опустело. Но это потому, что я еще не пополнила запас продуктов после окончания расследования. Опять же из-за затяжных дождей не хотелось выходить из сухой квартиры и шлепать по лужам. Однако не все так плохо. У меня еще остался запас необходимых ингредиентов для того, чтобы приготовить завтрак, обед и ужин. А самое главное – у меня есть мой любимый напиток – кофе. И о наличии сигарет можно не беспокоиться.

Недолго думая, я разморозила в микроволновке два голубца, нарезала помидоры, огурцы и зелень и заправила салат сметаной. Покончив с завтраком, сварила свою любимую неизменную арабику. С чашечкой дымящегося кофе перешла в гостиную. Здесь я удобно устроилась в кресле и начала пить чудесный напиток, смакуя каждый глоток.

После утренней трапезы я вышла на балкон и выкурила сигарету. Постояв немного на балконе, я вернулась в комнату и стала решать, чем заняться дальше. В принципе можно было отправиться в супермаркет за продуктами, для того чтобы пополнить запасы.

Но потом я решила, что совершу набег на супермаркет, когда у меня появится заказ на новое расследование. Это уже закрепилось как традиция: как только продуктов остается самый минимум, то тут же объявляется клиент. Поэтому я решила не отступать от этой практики: кое-что съестное еще осталось. А вот уборкой квартиры заняться следовало бы. Так я и поступила. Вооружившись пылесосом, а затем и шваброй, я привела свое жилище в порядок.

Теперь можно продумать свой вечерний наряд. Вынув из шкафа подходящие к случаю платья, я разложила их на постели и начала отбор. Это у меня заняло довольно много времени: я все никак не могла решить, что же лучше – черное маленькое платье или удлиненное фиолетовое. В конце концов я остановила свой выбор на платье-стретч изумрудного цвета, которое очень хорошо шло к моим зеленым глазам. К нему я подобрала бежевые лодочки и такого же цвета сумочку. Покрутившись перед зеркалом, улыбнулась самой себе: вид – то что надо.

И вот он, театр. Великолепный, шумный и праздничный – почему-то наш тарасовский оперный театр вызывает во мне именно такие эмоции. Мы еле успели, а потому насладиться прохаживаниями разряженных в пух и прах зрителей не удалось: сразу же рванули в зал. С первых же тактов музыка великого Чайковского захватила меня целиком и полностью и не отпускала все три действия. Я как будто бы возвратилась в детство. Мне было лет шесть, когда роди-

тели впервые взяли меня с собой в театр. Огоньки, потрясающая музыка, роскошные наряды артистов – все это тогда показалось сказкой, и это чувство по-прежнему никуда не исчезло.

В антракте мы с Ленкой вышли из зрительного зала, начали прогуливаться по фойе и обмениваться впечатлениями. Вскоре к нам подошла элегантно одетая светловолосая женщина. На вид ей можно было дать лет тридцать восемь – сорок.

– О, Виктория Леонидовна! – воскликнула Ленка. – А это моя подруга Татьяна.

– Очень приятно, – приветливо улыбнулась Масленникова. – Вы тоже преподаете французский язык, Татьяна?

– Нет, я – частный детектив, – ответила я.

– Это, должно быть, интересная работа, – заметила Виктория Леонидовна. – Но, на мой взгляд, она сопряжена с опасностями. Или это не так?

– Вы правы, опасностей хоть отбавляй. Но моя работа мне нравится, – просто ответила я.

– А как вам спектакль? – Масленникова обратилась к нам обеим.

– Сказочный спектакль! Просто феерия! – восторженно проговорила моя подруга. – Да, все впечатляет: и праздничные декорации, и роскошные костюмы, и, конечно же, гениальная музыка!

В это время Масленникову окликнула какая-то женщина и она, извинившись, отошла.

После нашего с Ленкой посещения балетного спектакля прошла неделя, но звонка с просьбой заняться расследованием все еще не было. Я уже потихоньку начала изнывать от безделья. Да и деньги, которые я получила за предыдущее расследование, начинали ощутимо таять. Я ведь не отношусь к числу бережливых особ. Экономить я не привыкла, поэтому, наверное, деньги и покидают меня довольно быстро. Но больше всего меня напрягало отсутствие настоящего дела.

«Ладно, Таня, не надо унывать, уныние – это грех. Дождешься ты звонка, обязательно дождешься», – подбадривала я саму себя.

И вот утром, довольно рано, наконец-то зазвонил телефон.

– Алло, – сказала я, сняв трубку.

– Татьяна? Простите, Татьяна Александровна? – спросил взволнованный женский голос.

– Да, это я, – ответила я.

– Татьяна Александровна, это Масленникова, Виктория Леонидовна. Помните, мы с вами встретились на балете «Спящая красавица»? – спросила женщина.

– Ну, конечно, помню, Виктория Леонидовна, – ответила я.

– Татьяна Александровна, вы сказали, что вы – частный детектив. Так?

– Совершенно верно.

– Мне нужна ваша помощь, – решительно проговорила Масленникова.

– Я готова вам помочь, Виктория Леонидовна. Но такие дела не решают по телефону. Вы знаете, где я живу? – спросила я.

– Нет, Леночка дала мне только ваш телефон. А я решила вам предварительно позвонить, – объяснила Масленникова.

– Тогда запишите мой адрес, Виктория Леонидовна, и приезжайте.

Я продиктовала ей улицу, номера дома и квартиры.

– А когда можно подъехать? – спросила женщина.

– Можете приехать прямо сейчас, – ответила я.

До приезда Масленниковой я успела привести себя в порядок и протереть полы в гостиной. Я пригласила женщину и, сев в кресло, приготовилась выслушать ее. Масленникова выглядела очень расстроенной, она присела на диван и в волнении сжала руки.

– Татьяна Александровна, два дня назад был убит мой бывший муж, Иннокентий Константинович Подхомутников, – начала женщина и замолчала.

– Мои соболезнования, – сказала я. – Полиция уже расследует его убийство?

– Да, уголовное дело заведено, но... Татьяна Александровна, пожалуйста, найдите убийцу Иннокентия. Мы давно разошлись, но расстались мы с Иннокентием вполне мирно. В память о том времени, которое я провела с Кешей, я хочу, чтобы его убийца не остался безнаказанным.

– Но ведь вы, Виктория Леонидовна, сказали, что полиция уже приняла дело в производство, – заметила я.

– Ох, Татьяна Александровна, следствие ведет такой юный полицейский, совсем еще мальчик! – воскликнула Масленникова. – Кроме того, мне сообщили, что следов очень мало. То есть их практически нет. Отпечатков пальцев нет, орудия убийства они не нашли. Я боюсь, что следствие затянется, а результата так и не будет.

– Хорошо, Виктория Леонидовна, тогда расскажите мне, как это произошло. Кто обнаружил вашего бывшего мужа? – спросила я.

– Насколько мне известно, Иннокентия нашел Владислав Шляпников – секретарь Союза художников. Он по какой-то причине должен был зайти к Иннокентию домой. Владислав звонил ему в дверь, но из квартиры Иннокентий не вышел. Тогда Шляпников спустился вниз, к консьержке. Они вместе поднялись наверх, снова стали звонить и стучать в дверь. Однако безрезультатно. Тогда они решили вызвать полицию. Полицейские открыли дверь и увидели, что Иннокентий лежит на полу в спальне без признаков жизни. Экспертиза показала, что ему был нанесен удар тупым предметом в область затылка, это и послужило причиной смерти. И кроме того, у него были отрезаны уши, а на лбу кровью нарисован перевернутый крест, – последнюю фразу Масленникова прошептала. – Представляете – уши лежали рядом с телом! Это так ужасно! Кто мог пойти на убийство и на такое зверство?

– Откуда вам это известно? – уточнила я.

– Полицейские рассказали. Мне звонили из полиции, выясняли мое алиби – говорят, часто преступник близко знаком с... жертвой. Мы в разводе, ну и... подумали, что я на такое способна! А когда мы пообщались, в общих чертах и рассказали, что произошло.

– Виктория Леонидовна, вы не уточняли, почему Шляпников обратился к консьержке? Он же мог банально уйти – мало ли, изменились планы у человека. Я бы, скорее всего, так и поступила.

– Ой, Татьяна Александровна, да, меня этот вопрос тоже интересовал. Но полицейский от моих вопросов отмахивался, – пожалала она плечами.

А я подумала, что как минимум два направления деятельности уже вырисовываются. Во-первых, связаться с Кирей – пусть посмотрит по базе, не проявлялся ли раньше подобный любитель ушей человеческих. Характерный почерк преступления может вывести на преступника. Ну и вообще, надо будет материалы дела пролистать. Во-вторых, обязательно встретиться с Владиславом Шляпниковым и узнать, с чего он проявил подобную настойчивость. Ну и с консьержкой пообщаться. Кстати, уши резали уже после смерти или как?

– Кем работал Иннокентий Константинович? – спросила я.

– Иннокентий Константинович был художником. Он начал свою творческую деятельность в нашем театре оперы и балета: писал декорации, оформлял сцену. В театре мы с ним и познакомились. Я тогда только что окончила наше хореографическое училище, и меня приняли в балетную труппу. А Иннокентий Константинович был старше меня на двадцать лет. Но такая разница не имела для нас никакого значения. Правда, в дальнейшем наши жизненные пути разошлись, но это уж совсем другая история.

– Простите, а общие дети у вас есть? – задала я деликатный вопрос.

– Нет, детей у нас не было, – ответила женщина.

– На данный момент ваш бывший муж продолжал работать в театре? – спросила я.

– Нет, в последние годы Иннокентий, насколько мне известно, занимал какой-то пост в Союзе художников. Но вроде бы это было непродолжительное время. И, кажется, еще он являлся организатором художественных выставок.

– А что вы можете сказать по поводу его недругов-недоброжелателей? Имелись такие? Мог он кому-нибудь, что называется, перейти дорогу? – Я сразу задала Масленниковой ряд вопросов.

– Даже и не знаю, что вам ответить, Татьяна Александровна. Как я уже сказала, мы с Иннокентием разошлись уже довольно давно. Поэтому то, что происходило в его жизни после нашего развода, мне неизвестно. Одно могу сказать: в то время, когда мы были мужем и женой, никаких серьезных конфликтов у Иннокентия ни с кем не было. Правда, характер у него был не из легких, но он умел обходить острые углы, – добавила Масленникова.

– Хорошо, Виктория Леонидовна, – сказала я. – Я согласна расследовать убийство Иннокентия Константиновича. Сейчас мы с вами составим договор. И еще мне нужен будет ваш телефон для связи.

– Конечно, – ответила Масленникова.

Мы обменялись телефонами, Масленникова вручила мне аванс, записала адрес квартиры своего бывшего мужа и ушла. А я отправилась в душ, а затем на кухню. Позавтракав, я вышла на балкон и закурила.

Итак, мне предстоит найти убийцу художника Иннокентия Подхомутника, которого стукнули по голове чем-то тяжелым, да вдобавок отрезали уши и нарисовали оккультный символ. Секта из запрещенных, ритуал? Или отвлечение внимания? А возможно, маньяк или подражатель такового? А может быть, никакой ритуальности на самом деле и не было, преступник просто хотел направить следствие по ложному пути. Это следует выяснить.

Масленникова сказала, что они с Иннокентием разошлись давно. Поэтому неудивительно, что женщине незнаком круг лиц, которые так или иначе контактировали с ее бывшим супругом. Зато мне надо будет обрисовать круг его общения, побеседовать со знакомыми... скажем так, на предмет их возможной причастности к убийству художника. Иначе говоря, выявить подозреваемых в совершении преступления.

Виктория Леонидовна упомянула о секретаре Союза художников – Владиславе Шляпникове, который обнаружил тело Подхомутника в его квартире. Общались с убитым? Общались. Даже был вход в дом к Подхомутникову. Возможно, Шляпников в курсе того, что происходило с Иннокентием в последнее время. Стало быть, нужно будет наведаться в Союз художников. Впрочем, поскольку уголовное дело уже заведено, то есть уже и определенные следственные наработки. Правда, Масленникова сказала, что следователь не внушает доверия, потому что он, скорее всего, с университетской скамьи, то есть еще стажирется. Но он явно не в одиночку ведет следствие по делу Подхомутника, это уж как пить дать.

Вот что! Поеду-ка я сейчас в Управление полиции к Володе Кириянову, моему хорошему другу. Однако сначала необходимо с ним созвониться, потому что Володьку часто вызывают и он не всегда находится у себя в кабинете.

Да! А ведь я еще не погадала на своих додекаэдрах! Перед тем как начать очередное расследование, я всегда советуюсь со своими магическими «костями». Я взяла черный замшевый мешочек и вытряхнула «кости» на прикроватную тумбочку. Затем взяла додекаэдры в руку, сосредоточилась и мысленно задала вопрос. Согрев «кости» теплом своей руки, я метнула их на тумбочку. Поскольку я выучила толкование выпавших цифровых сочетаний наизусть, то мне не понадобилось заглядывать в листок с расшифровкой. Додекаэдры предсказали мне успех в моих начинаниях, иными словами – в расследовании. А их предсказания всегда сбывались.

Теперь нужно позвонить Кириянову. Я набрала знакомый номер.

– Алло, – отозвался Владимир.

– Володь, привет, – сказала я.

– Таня! Рад тебя снова слышать.

– Взаимно, Володь. Слушай, ты сейчас свободен? – спросила я.

– Ну, в данный момент да, свободен.

– Скажи, ваше ведомство занимается расследованием убийства Иннокентия Подхомутникова? – спросила я.

– Да, Тань. А ты что, имеешь к этому делу личный интерес?

– Меня наняла бывшая жена убитого, – объяснила я. – Мне необходимо с тобой увидеться, Володь.

– Тогда поспешай, Тань. У нас скоро должно начаться совещание, – сообщил Кирьянов.

– Я поняла тебя, выезжаю прямо сейчас.

– Жду. До встречи.

Я быстро собралась, надела голубые джинсы и легкий белый пуловер, причесалась и распустила волосы по плечам. Нанеся дневной макияж, я взяла сумку и спустилась в подъезд. Через пятнадцать минут я уже входила в Управление полиции.

– А вот и я! – сообщила я, открывая дверь кабинета Кирьянова.

– Проходи, Тань, – Владимир поднялся мне навстречу. – У меня через пару минут начнется совещание, так что я оставлю тебя. Если вопросы останутся – или дождись, или созвонимся позже. Вот познакомься, наш стажер Анатолий Загребенников.

Тут только я заметила молодого человека в очках, который скромно сидел за компьютером.

– Анатолий, представляю Татьяну Александровну, она наш коллега, частный детектив. Она тоже подключена к расследованию убийства Иннокентия Подхомутникова. Так что введите Татьяну Александровну в курс дела. Ну, Тань, пока.

Владимир вышел из кабинета, а я села за его стол.

– Анатолий, расскажите, что уже удалось выяснить, – попросила я.

Загребенников снял очки, повертел их в руках и положил на стол.

– Значит, так, – начал стажер, – Иннокентий Подхомутников вернулся домой около половины двенадцатого ночи.

– А как было установлено время его возвращения домой? – тут же спросила я. – Были свидетели? Кто-то видел, как он входил в подъезд? Или его видели на лестничной клетке, непосредственно перед квартирой? – Я тут же задала ряд вопросов.

– Нет, Татьяна Александровна, – покачал головой Загребенников, – к сожалению, никаких свидетелей возвращения Подхомутникова не нашлось. Единственным человеком, который видел художника, была консьержка. Она и сообщила время его возвращения. Подхомутников пожелал ей доброй ночи и отправился на лифте на свой этаж. Утром пришел секретарь Союза художников и сказал, что ему необходимо передать Подхомутникову какие-то документы. Он говорил, что накануне они с Подхомутниковым о встрече договаривались и тот очень ответственно относился к таким договоренностям, – добавил внушительно стажер. – Но связаться с художником по телефону не удалось. Звонок в дверь тоже остался без ответа. Секретарь и дежурная еще около получаса простояли у двери Подхомутникова. Периодически они звонили и стучали в дверь. Консьержка уверяла, что художник из подъезда не выходил. И наконец было принято решение вызвать полицию. Ну, мало ли что. Вдруг человеку плохо стало, а помощь оказать некому?

– Почему не «Скорую»? – удивилась я.

– А кто дверь откроет? – откликнулся мой собеседник. – Впрочем, в «Скорую» они тоже звонили, те чуть позже нас приехали – и, сами понимаете, чуть не сразу уехали обратно.

– Так, приехала полиция. Кстати, во сколько это было? По времени, я имею в виду.

– Мы там были примерно в девять тридцать утра, – ответил стажер.

– Так вы, Анатолий, тоже были в составе опергруппы? – поинтересовалась я.

– Да, Татьяна Александровна. Владимир Сергеевич сказал, что мне это пойдет на пользу. Я ведь только что приступил к практике. А тут такое дело! Очень непонятное убийство. К тому же еще и весьма запутанное.

– А что говорит в пользу такого вашего определения? – спросила я.

– Ну, во-первых, никаких следов пребывания в квартире посторонних людей обнаружено не было. А во-вторых, у трупа отсутствовали уши.

– Вы хотите сказать, что убийца отрезал жертве уши и унес с собой? – уточнила я. Ведь Масленникова сказала, что уши Подхомутникова лежали рядом с телом.

– Да, уши он отрезал, совершенно верно. Только он не уносил их с собой, а оставил на трупе. Вдобавок кровью из раны он нарисовал на лбу жертвы перевернутый крест. Впрочем, давайте я расскажу все по порядку, – предложил Загребенников.

– Да уж, пожалуйста, давайте все по порядку.

– Значит, так. Мы вошли в подъезд, поднялись на последний этаж, и там нас встретили консьержка и секретарь Союза художников. Дверь вскрыли, и мы прошли в комнаты. Подхомутников лежал на полу в спальне. Скорее всего, художник собирался ложиться спать, потому что на постели лежала приготовленная пижама. Но мужчина так и остался в дневном костюме. Вероятно, преступник сразу занялся делом. Он ударил Подхомутникова тяжелым предметом по голове, в область затылка, а затем уже у мертвого отрезал уши и нарисовал знак оккультистов – перевернутый крест.

– Так смерть наступила в результате удара? – уточнила я.

– Да, именно поэтому, – подтвердил Анатолий.

– И этот тяжелый предмет – орудие убийства – преступник унес с собой?

– Убийца ударил Подхомутникова напольной вазой, которая находилась в спальне. На вазе были обнаружены следы крови жертвы, – сообщил Загребенников.

– Как насчет следов преступника?

– Ничего. Отпечатки пальцев затерты, либо работал человек в перчатках.

– А что с ушами? – не смогла не уточнить я. – Отрезаны уже у мертвого? Что говорят эксперты?

– Да, уже у трупа, – кивнул Загребенников.

– То есть можно предположить, что убийца прятался в спальне? – Я продолжала уточнять подробности.

– Скорее всего, там. Собственно, как я уже и сказал, Татьяна Александровна, никаких отпечатков пальцев преступника следственная группа не обнаружила. Вообще, в квартире царил идеальная чистота. Просто стерильность, как в операционной. Как удалось выяснить, к Подхомутникову приходила домработница и тщательно убирала его апартаменты. Как пояснил секретарь, аккуратность и порядок во всем, и особенно в жилище, – это был своеобразный пунктик художника. Мы всё осмотрели, Подхомутникова увезли в морг, ну а квартиру, естественно, опечатали.

– При осмотре квартиры было обнаружено что-то, что могло пролить свет на совершённое убийство? – спросила я.

– Ну, как я уже сказал, никаких отпечатков пальцев, никаких других следов, включая и следы борьбы, обнаружено не было.

– Следы взлома на входной двери?

– Какие-то царапины, – пожал плечами стажер. – Но эксперт не уверен в том, что это именно следы взлома. Ключ к замку своеобразный, не очень хорошо обточенный как будто, как мне объяснили. Ну, с металлическими заусенцами. И он вполне мог такие царапины оставить.

– И что из этого следует? – проговорила я вслух. – Либо преступник зашел в квартиру заранее, спрятался в спальне, а когда вернулся Подхомутников – ударил того вазой. Либо зашел в гости к убитому...

– Почему? – насторожился Загребенников. – В гости около полуночи?

– Почему бы и нет? – хмыкнула я. – Мало ли, если он, допустим, сосед. Понимаете, Анатолий, ситуация необычная. С одной стороны, убили подручным предметом – вазой. То есть мы видим намек на неумышленное преступление или аффект. Преступник разозлился, схватил вазу и грохнул собеседника по голове. Так?

Стажер кивнул, а я продолжила:

– Но уши сюда не вписываются. Это уже намек на какой-то ритуал или месть. Кстати, чем их отрезали?

Парень пролистал отчет, вчитался в какой-то абзац:

– Вот! Обычный столовый нож, ориентировочная толщина лезвия... ширина...

– Понятно, спасибо. Камеры слежения в квартире были установлены? Или на лестничной клетке? – спросила я.

Загребенников покачал головой.

– Нет. Видимо, художнику они были без надобности.

– А что говорит консьержка? – задала я следующий вопрос. – Приходили ли в тот день в дом какие-нибудь посетители, личности которых могли вызвать подозрение?

– Таких людей не было. Консьержка утверждает, что во время ее дежурства в подъезд входили только постоянные жильцы этого дома.

– Консьержке можно доверять? – спросила я.

– Думаю, что да, можно. Мы опросили жильцов дома, они подтвердили, что дежурная – очень ответственная и порядочная женщина, что ей можно доверять. Работает давно, вдвоем со сменщицей. Ту, вторую, тоже считают ответственной и надежной. Если бы кто-то пришел чужой, консьержка не оставила бы это без внимания.

– Консьержка могла покинуть свое рабочее место. Например, по естественным надобностям, – хмыкнула я, дивясь наивности и доверчивости стажера.

– Да, и это мы тоже выяснили, – кивнул он, ничуть не смутившись. – Несколько раз в течение дня она действительно отходила с рабочего места. Но дверь в подъезд была закрыта, и войти в отсутствие консьержки мог только тот, кто жил там. То есть человек с ключом от подъездной двери.

– Хм... А как насчет камер? Насколько я знаю, в домах, где есть консьержка, должны быть и видеокamеры, по крайней мере у входа.

– Да в том-то и дело, что нет камер! – с каким-то даже возмущением буркнул Анатолий. – Как так можно? Элитный дом, с консьержкой, но на камеры решили не тратить! А ведь с системой видеонаблюдения все было бы гораздо проще!

Я согласно кивнула: он прав. Были бы камеры, на них, по крайней мере, фигуру преступника можно было бы заметить. А тут... Ну да ладно.

– Ну, хорошо. Но тогда непонятно, как же преступник оказался в квартире Подхомутникова? – спросила я. – Не телепортировался же он?

– Вот и нам тоже хотелось бы получить ответ на этот вопрос. Но – увы... Нет, другой возможности попасть в квартиру художника, кроме как подняться в лифте или по лестнице, просто не существует. Но для этого опять-таки необходимо пройти через наблюдательный пост консьержки.

– А как насчет окон первого этажа? – задумалась я.

– Тоже проверили, все окна забраны решетками, – порадовался своей сообразительности парень. – К тому же окна выходят на открытое пространство – двор, где бабушки сидят на лавочках, мамочки с детишками гуляют, и так далее. И магазины круглосуточной торговли. Вряд ли преступник рискнул бы снимать решетки и лезть через чужую квартиру.

– Консьержка точно не могла отойти, оставив входные двери открытыми? – спросила я.

– Клянется и божится, что отходила только днем и двери были закрыты. Думаю, что так оно и было, женщина очень переживает случившуюся трагедию. У меня сложилось впечатление, что говорит она искренне.

– А что со второй сменщицей? Вы ее упоминали? Сутки дежурит один человек, потом на вахту заступает другой.

– Да, это так, – согласился Анатолий.

– Так вы допросили вторую дежурную? – спросила я.

– Да нет, – несколько растерянно произнес Загребенников, – а зачем? Сменщица никакого отношения к делу не имеет, она ведь сменилась за сутки до убийства. Какой тогда смысл ее допрашивать?

– А смысл в том, что убийца мог прийти в подъезд гораздо раньше, чем на дежурство заступила та консьержка, которая находилась на вахте в день убийства Подхомутникова. Преступник пришел загодя, подыскал себе подходящее укрытие. Возможно, он изучил распорядок дня художника, установив за ним наблюдение. Таким образом, убийца точно знал, в какое время суток Подхомутников бывает дома, а когда – отсутствует. То есть убийца все продумал и тщательно подготовился к совершению преступления. Что скажете, Анатолий?

– Да, вы правы, Татьяна Александровна. – Загребенников взял со стола свои очки и повертел их в руках. – Мы как-то упустили из виду такой вариант. Вполне возможен такой поворот событий, о котором вы говорите.

– Но главное все-таки не это, – заметила я.

– Да? А что же?

– Куда делся убийца Подхомутникова после совершённого преступления? Ведь, по словам, консьержки, никого постороннего в доме не было, все только свои. То есть и приходили, и выходили только постоянные жильцы. Ну и как же в таком случае убийца ушел из квартиры?

– Да... Действительно, загадка... Прямо мистика какая-то, Татьяна Александровна, – обескураженно проговорил Анатолий. – Хотя... Может быть, сообщники?

– Да, тоже вариант, – кивнула я. – Либо сообщники, либо человек банально был хорошо знаком с кем-то из этого подъезда.

– Зашел в гости, вышел из квартиры с какой-то целью, дождался Подхомутникова, убил и вернулся? – подхватил мою мысль на лету парень. А я задумалась. Если бы все происходило в дневное время суток – такой вариант вполне можно было бы рассмотреть. Но в районе полуночи ходить в гости, да еще таким загадочным образом? Впрочем, возможен и еще один вариант. Преступник общался с кем-то с первого-второго этажа и все же рискнул выбраться через окно, например.

– Анатолий, скажите, вы обыскивали подъезд или только квартиру?

– Квартиру – да, разумеется. Подъезд – нет, не обыскивали, – покачал головой парень. – Побеседовали с соседями этажом ниже, выше – только технический этаж, Подхомутников на последнем этаже жил. Поговорили с консьержкой – и все. Никто ничего не слышал. Да и что там слышать-то? Если Подхомутникова неожиданно стукнули по голове. Это же не огнестрел!

Я кивнула, а потом озадачилась:

– Постойте, а что с квартирами на той же лестничной площадке?

– Так у него единственная квартира на этаже! – с каким-то даже восторгом сказал Анатолий. – Совершенно роскошная!

– Ага... – кивнула я. И внезапно даже для себя воскликнула: – А вот и лазейка для нашего преступника! – фыркнула я. – Если предположить, что он после убийства выжидал в подъезде удобного случая, мог вполне дождаться полиции и незаметно ускользнуть. Или... в те полчаса, что консьержка топталась у дверей Подхомутникова. Изнутри ведь дверь подъезда можно открыть без ключей?

– Татьяна Александровна, гениально! – восторженно воскликнул стажер, набрасывая записки в блокнот. А я пожалала плечами. Ладно, хватит толочь воду в ступе.

– Вот что, Анатолий, – я решительно поднялась, – мне необходимо осмотреть квартиру Подхомутникова. Вы сказали, что квартира опечатана?

– Да, конечно, – подтвердил стажер. – Так ведь положено по закону.

– Это понятно. Но ключи от нее имеются? – спросила я.

– Ну конечно, имеются.

– Тогда давайте прямо сейчас поедem на квартиру художника и осмотрим ее еще раз, – предложила я.

– Хорошо, Татьяна Александровна, – согласился Загребенников. – Сейчас я только схожу за ключами.

По дороге мы с Загребенниковым обсуждали версии совершенного убийства.

– Анатолий, скажите, вы уже очертили возможные мотивы, которыми руководствовался преступник? – спросила я.

– Да, кое-что есть. Мы начали с того, что стали выяснять, могла ли быть кому-либо выгодна смерть Подхомутникова. Опросили для начала самый близкий круг тех, кто с ним общался.

– И что вы выяснили? – спросила я.

– Вы знаете, художник, судя по отзывам, в принципе был, в общем-то, неконфликтный человек. Вежливый, рассудительный, владел своими эмоциями. Но вместе с тем – принципиальный. Будучи владельцем картинной галереи и организатором художественных выставок, Подхомутников являлся довольно-таки важной величиной в художественном мире. Ну, он мог отказать в персональной выставке, если считал, что картины, отобранные на нее, недотягивают до эталона. А с другой стороны, искусство ведь – вещь очень тонкая, неоднозначная. Кому-то нравится классика, кому-то – абстракция. Я это к чему, собственно, говорю. Секретарь Союза художников – Владислав Шляпников – тот самый, что приходил утром к Подхомутникову, сообщил, что накануне убийства у Подхомутникова произошел серьезный конфликт с художником Григорием Переводниковым. Подхомутников отказался брать его картины, ну, то есть отказал по существу в устройстве персональной выставки.

– А в чем была причина отказа? – спросила я. – Картины Переводникова не соответствовали критериям искусства в понимании Подхомутникова?

– Да, это была одна из причин. Кроме того, на устройство персональной выставки претендовал еще один художник – Геннадий Селиверстов.

– То есть Подхомутников предпочел Селиверстова? А Переводников остался не у дел? – уточнила я.

– Да, именно так. И, по словам Владислава Шляпникова, Переводников устроил грандиозный скандал. Он рвал и метал и как ошпаренный выбежал из здания Союза художников.

– А что же Подхомутников? – спросила я.

– Опять же, как следует из рассказа Владислава Шляпникова, Подхомутников решил еще раз поговорить с обиженным художником и даже позвонил ему, назначив встречу вечером, кажется, в одном из кафе.

– А какой смысл был в этой встрече? – недоуменно спросила я. – Ведь решение о выставке было уже принято. Ведь не собирался же Подхомутников поменять его?

– Ну, судя по всему, нет, не собирался. Не знаю, зачем это ему было надо. – Загребенников пожал плечами. – Возможно, хотел в более спокойной обстановке еще раз поговорить. Как я уже сказал, по отзывам, Подхомутников был неконфликтным. Может быть, ему был неприятен такой скандал, который учинил Переводников, кто знает.

– Понятно. А вы уже допросили Переводникова? – спросила я.

– Да, конечно, Татьяна Александровна.

– И что он сказал?

– Сказал, что после того, как они с Подхомутниковым встретились в кафе, они, поговорив, остались каждый при своем мнении.

– То есть Переводников продолжал считать, что он более достоин персональной выставки, чем Селиверстов? – уточнила я.

– Да. По словам Переводникова, они вышли из кафе и каждый направился в свою сторону.

– А он мог совершить убийство? Этот самый Переводников? Ведь устроил же он скандал в Союзе художников. Не исключено, что в пылу гнева ему могла прийти в голову и более радикальная мысль, – предположила я.

– Ну... – Загребенников на долю секунды задумался. – Так-то у нас на Переводникова ничего серьезного нет, Татьяна Александровна. По его словам, после возвращения из кафе после встречи с Подхомутниковым он изрядно выпил, так как его сосед отмечал возвращение сына из армии. Так что у него имеется алиби.

– А вы уже допросили соседа Переводникова? – спросила я.

– Конечно! Сосед все подтвердил. Он сам проводил Переводникова до его квартиры.

«Все равно нужно будет встретиться с этим неуправляемым Переводниковым, – подумала я, – мало ли что. Пусть он и напился, но потом дома мог и протрезветь и убить Подхомутникова. И еще эти отрезанные уши... Очень похоже на месть, учитывая взрывной характер Переводникова. Но опять же, как он проник в его квартиру? Ведь никто чужой в тот день не приходил».

– Анатолий, а какие еще версии вы рассматривали? – спросила я.

– Мы подумали, что, возможно, здесь задействован какой-то сектант. Все-таки уши просто так не отрезают и символы на жертве не рисуют. Кто знает, может быть, это какой-то фанатик поработал. Но пока эта версия отрабатывается. Мы, правда, уже устроили несколько облав по шалманам и другим подобным местам, но пока все безрезультатно.

– И когда только успели? – больше себе задала я вопрос. Подхомутников всего три дня назад, получается, был убит.

– Так сразу же, как стали раскручивать это дело. Уж больно интересная особенность, – откликнулся стажер.

– А что с аналогичными случаями? С отрезанными ушами, я имею в виду? Не смотрели по базе, занимался кто-нибудь подобным?

– Нет, пока не успели, Татьяна Александровна, – покачал головой Анатолий. – Это же время надо, а мы пытались по горячим следам с делом разобраться. Всего три дня прошло! А символ этот – перевернутый крест – в принципе используется во множестве оккультных сект. Ничего конкретного.

Мы подъехали к дому, где проживал Иннокентий Подхомутников. Это был высотный дом с благоустроенной придомовой территорией. Квартира Иннокентия Подхомутникова находилась на четырнадцатом этаже. Я обратила внимание, что к дому вплотную примыкала еще одна такая же высотка. «Или это второй подъезд одного и того же дома? – подумала я. – Да нет, скорее всего, еще один многоэтажный дом. Потому что двухподъездные дома не строят. Или один подъезд, или пять, а то и больше». На всякий случай я метнулась к прогалу между домами – но поняла, что здесь с трудом средних размеров кошка протиснется. Нет, не вариант. Да и окна сюда не выходят, что приятно для жильцов: вряд ли доставит удовольствие существовать в квартире, за окнами которой постоянно мельтешат соседи.

В просторном холле подъезда нас с Анатолием встретила пожилая женщина. Она сидела за стеклянной перегородкой и вязала какое-то меланжевое полотно.

– Здравствуйте, Октябрина Михайловна, – поздоровался Загребенников.

– Здравствуйте, – отозвалась женщина, – вы снова к нам?

– Нам необходимо еще раз осмотреть квартиру Иннокентия Константиновича, – сказал стажер.

– А эта девушка тоже будет проводить осмотр? – спросила женщина, посмотрев на меня.

– Да. Это Татьяна Александровна, частный детектив, она тоже участвует в расследовании убийства, – объяснил Загребенников.

– Какой ужас, какой ужас. Я до сих пор в себя не могу прийти, – запричитала консьержка. – И надо же было случиться такому как раз в мое дежурство! Хорошим человеком был Иннокентий Константинович, вежливым, обходительным. Всегда поздоровается при встрече, поинтересуется здоровьем. Царство ему небесное!

– Октябрина Михайловна, скажите, а Иннокентий Константинович жил один? – спросила я консьержку.

– Один, один. Мать и отец у него давно умерли, он как-то сам об этом обмолвился. Насчет того, была ли у него супруга и дети, не знаю. По крайней мере, при мне не появлялись, он не рассказывал. А я стараюсь не лезть к жильцам со своими вопросами. Мне что – дверь открыть, по телефону уточнить, ждет человек гостей или не впускать, – да и все. К Иннокентию Константиновичу приходит делать уборку одна женщина, Валентиной ее зовут.

– В тот день кто-то посторонний приходил в дом? – задала я консьержке следующий вопрос.

– Нет, чужих никого не было, – ответила женщина, – все только свои, все, кто здесь проживает.

– Вы уверены, Октябрина Михайловна? – еще раз спросила я.

Консьержка всплеснула руками:

– Ну а как же! Неужели я бы пропустила кого-нибудь пришлого? Я всегда спрашиваю, к кому идет человек. Чуть ли не допрос устраиваю. Многие даже недовольство высказывают. Говорят, что чувствуют себя как у прокурора. Ну а куда деваться-то, если жизнь такая настала? Тут вот спрашиваешь-переспрашиваешь сто раз – и то... Такое жуткое убийство.

– Почему же у вас в подъезде отсутствуют камеры слежения? – спросила я. – Ведь здесь живут далеко не бедные жильцы, так?

– Да, верно, – согласилась со мной женщина, – но только ведь пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Теперь-то камеры поставят, управляющий обещал. Да только Иннокентия Константиновича уже не вернешь.

– Расскажите, пожалуйста, о том, как вы обнаружили... тело Иннокентия Константиновича, – попросила я. Женщина тяжело вздохнула, а я добавила: – Понимаю, вы уже рассказывали обо всем в полиции. Но мне хотелось бы услышать вашу версию самой.

– Ну... хорошо, – кивнула она. – Иннокентий Константинович еще с вечера, когда возвращался домой, предупредил, что утром к нему придут. Владислав Шляпников, с документами. Я у себя записала, что надо впустить. Ну ипустила, было восемь семнадцать утра, видите, у меня тут записано. – Она ткнула пальцем в разлинованную тетрадку, исписанную мелким убористым почерком. – А минут, наверное, через пять мужчина спустился вниз, я даже удивилась – так быстро? И сказал, что дверь ему не открывают. И я, и он попытались дозвониться до Иннокентия Константиновича – по домашнему и сотовому телефонам. Но трубку никто не брал. Тогда мы поднялись к нему и стали стучать и звонить в дверь. Иннокентий Константинович был человеком обязательным: если уж назначил встречу и вынужден отменить – меня бы предупредил и посетителя тоже. А тут... он никуда не выходил, никого ни о чем не предупредил, – покачала головой женщина. – Мы, наверное, полчаса стояли под дверью – думали, вдруг спит так крепко.

– У вас ключи от квартир жильцов есть? – уточнила я.

– Да нет, откуда! – всплеснула руками Октябрина Михайловна. – Только если кому цветочки полить во время отъезда – те могут оставить, знают, что ключики в надежных руках, ничего не пропадет.

– То есть варианта открыть дверь самим нет, – кивнула я. Женщина закивала и продолжила:

– И мы решили все-таки вызвать полицию. Телефонные звонки слышно было через дверь, дверной звонок тоже громкий, а Иннокентий Константинович не откликается. Я подумала, вдруг что случилось? Сердечный приступ – он сейчас молодеет... Представляете, сын моей соседки с инфарктом в тридцать лет в больницу угодил.

– Октябрина Михайловна, а кто обычно заходил к Подхомутникову, вы можете в своей тетрадке посмотреть? Кстати, вы ее ведете одна или со сменщицей?

– Вместе, чтобы путаницы не было, – ответила консьержка. – Знаете, ведь бывает, хозяйева квартиры о визитах предупреждают в мою смену, а человек приходит в ее.

Женщина полистала талмуд и сказала:

– Владислав Шляпников... и все.

– Что, больше никто не приходил?

– Если кто-то постоянный, могли и приходиться, – пожала плечами Октябрина Михайловна. – Мы только чужих записываем. А кто несколько лет подряд ходит, уже примелькались, поздороваются и проходят в нужную квартиру.

– И вы их не записываете?

– Нет, не записываем, – покачала головой консьержка.

– А кто еще приходил к Подхомутникову? Часто, как вы говорите?

– И не припомню сейчас, – покачала головой та. – У меня в подъезде сорок квартир, и ко всем периодически ходят. Лица к концу дня просто сливаются! Какой-то мужчина представительный бывал, кажется... Молоденькая девушка... или она не к Иннокентию Константиновичу, а этажом ниже к музыканту заходила? Дамочка красивая... Может, и еще кто...

Я вздохнула, задала еще несколько вопросов по поводу того, как можно войти-выйти из подъезда, записала контакты сменщицы Октябрины и поняла, что больше от нее ничего не узнать.

– Ладно, Октябрина Михайловна, спасибо вам. Пойдемте, Анатолий, – обратилась я к стажеру.

Мы подошли к лифту, Анатолий нажал кнопку вызова.

– Скажите, Анатолий, а вы уже выяснили, кому достанется квартира Подхомутикова? – спросила я. – Ведь, насколько я поняла из рассказа консьержки, супруга и дети отсутствуют. Другие родственники имеются? И как насчет завещания?

Анатолий смущенно потупился.

– Вы знаете, Татьяна Александровна, в данный момент я не готов ответить на ваш вопрос. Мы это выясняем.

«Может быть, Подхомутников оставил завещание в пользу своей бывшей жены, Виктории Масленниковой?» – подумала я.

– Наличие завещания может подсказать ход расследования. Желательно, чтобы это обстоятельство было прояснено как можно скорее, – сказала я.

– Постараемся, Татьяна Александровна, – сказал Анатолий.

Лифт остановился, и мы вышли.

На лестничной клетке находилась только одна входная металлическая дверь. Стало быть, квартира Подхомутикова занимала полностью весь этаж. А ведь такая жилплощадь при нынешних ценах лакомый кусочек. Так что... с завещанием вопрос надо прояснить. И... кто там у нас наследники? Бывшая жена – возможно, если указана в завещании или имущество относится к совместно нажитому. Другие родственники, пусть даже дальние?

Дверь квартиры была опечатана. Анатолий вынул из борсетки ключ, снял печать и открыл дверь.

Мы вошли в просторный холл, одну стену которого занимал встроенный шкаф-купе. Сдвинув одну из створок, я увидела несколько вешалок с зимней верхней одеждой. В шкафу находились темно-коричневая дубленка, две кожаные черные куртки, две ветровки бежевого цвета, а также серый в полоску мужской костюм. Нижняя полка шкафа была заставлена обувью.

– Татьяна Александровна, – обратился ко мне стажер, – вы сначала осмотрите место, где мы обнаружили убитого Подхомутника? Или осмотрите всю квартиру по порядку?

– Подхомутника обнаружили в спальне, верно? – спросила я.

– Да, именно там, – подтвердил Анатолий.

– Давайте начнем с гостиной, а затем перейдем в спальню, – предложила я.

– Как скажете, Татьяна Александровна.

Мы прошли холл и оказались в гостиной. Это была большая комната, стильно и богато обставленная. Чего стоила одна только люстра определенно дизайнерской работы. В гостиной царил порядок, вещи находились на своих местах. Не было даже и намека на то, что преступник что-то искал, а также намека на борьбу Подхомутника со своим убийцей. Впрочем, ведь убили-то его не в гостиной, а в спальне.

– Кстати, что-нибудь пропало из квартиры? Неизвестно?

– На первый взгляд все на своих местах, идеальный порядок, – пожал плечами Анатолий. – За исключением вазы и... тела. А точно выяснить не удалось. Может быть, что-то и украли...

– Анатолий, в квартире всего две комнаты? – спросила я.

– Да, гостиная и спальня, – ответил Загребенников.

– Странно, а где же Подхомутников писал картины? Ведь он – художник. Или у него была мастерская?

– Этот вопрос мы как-то... А вы считаете, что необходимо было осмотреть и мастерскую? – спросил Анатолий.

– Ну, если она имеется, то, естественно, и она, конечно же, подлежит осмотру. Да, вот вы сказали, что у Подхомутника были отрезаны уши и брошены тут же. У вас какие-то мысли есть на этот счет? – спросила я.

– Ну, не знаю... Может быть, это имеет какой-то религиозный смысл, кто его знает. – Загребенников пожал плечами.

«Религиозный? Впрочем, связь какая-то определенно имеется, – размышляла я. – Только вот с чем? Если это сектанты, то для них, скорее всего, важно было совершить какой-то определенный обряд, а не просто отрезать часть тела. Ну, должны были бы в этом случае быть совершены какие-то действия. Скажем, в виде зажигания свечей или рисунков на стене. Или еще какая-то подобная атрибутика. Но в таком случае в квартире или, по крайней мере, в какой-то из комнат должны были остаться следы. Вряд ли убийца (или убийцы) всё тщательно убрал. Надо будет посмотреть в интернете, какие имеются материалы на этот счет».

Из гостиной мы перешли в спальню.

– Вот здесь он и лежал. – Загребенников показал рукой на пространство около большой двуспальной кровати, накрытой шерстяным бежево-коричневым пледом. – И снова никаких следов, – задумчиво произнесла я.

– Да. Скорее всего, преступник напал сзади, стукнул его по голове, а потом отрезал уши, – предположил стажер.

И все-таки выбор орудия убийства меня смущал. Почему ваза? Попытка оглушить и отомстить, отрезав уши? В принципе возможно. Только силу удара сложно рассчитать.

– Да, Анатолий. А что с личностью преступника? Рост, пол, возраст? Какие-то характерные черты?

– Мужчина либо высокая крепкая женщина, правша, рост в районе 170–180 см, приблизительно как и у убитого, – не замедлил с ответом мой собеседник. Умный все-таки юноша и цепкий; если не сбежит из системы – из него получится отменный следователь. – Удар нанесен с силой, позволяющей предположить, что преступник силен, активен и, вероятно, достаточно молод. Всё на этом.

– Кстати, как и в гостиной, здесь нет следов того, что в квартире что-то искали, – заметила я. – Давайте теперь пройдем на кухню.

Большая кухня, обставленная необходимыми принадлежностями, также отличалась чистотой и порядком. Я начала выдвигать ящики кухонной секции, осматривая их содержимое. Ничего сколько-нибудь заслуживающего внимания я там не обнаружила. Обычный набор круп, макаронных изделий, чай, сахар, кофе. Застекленный верх кухонного гарнитура занимала посуда.

– А где ножи? – заинтересовалась я, вспомнив об ушах.

– Изъяты на экспертизу. Эксперт надеется обнаружить орудие преступления.

Неожиданно я посмотрела в угол и увидела какую-то створку.

– А это что такое? – спросила я Загребенникова.

– Где? – стажер недоуменно посмотрел на меня.

Вместо ответа я отодвинула створку в сторону.

– Вот здесь, – я продемонстрировала стажеру открывшееся пространство. – Вы осматривали это помещение?

Загребенников подошел ко мне и тоже заглянул.

– Думаю, ребята осматривали. Здесь все-таки эксперты-профессионалы работали. Но это, судя по всему, кладовое помещение, – предположил он. – Полагаете, там будет находиться что-либо стоящее?

– А вот сейчас и посмотрим. – Я сделала шаг вперед.

Да, это действительно была кладовка, уставленная ящиками. Заглянув в один из них, я увидела картины. Должно быть, Подхомутников хранил здесь экземпляры, отобранные для художественных выставок. А возможно, это были и его собственные работы. Я прошла вдоль стены до самого конца. Здесь меня ждал еще один сюрприз.

– Еще одна дверь! – воскликнул Загребенников. – Сколько же их здесь?

– Так квартирка-то целый этаж занимает! Только не говорите мне, что наша доблестная полиция не нашла этого помещения...

Анатолий пожал плечами:

– У меня в отчете ничего подобного не было. Предполагаю, что ребята исследовали собственно место преступления, а в кладовку просто заглянули, увидели картины и успокоились. Полагаете, там что-то интересное?

Вместо ответа я потянула дверь за ручку на себя, и она открылась. Вот теперь Анатолий начал меня разочаровывать. Ну как можно не обследовать все пространство, в котором произошло преступление? Вдруг преступник что-то искал и оставил свои следы? Или что-нибудь пропало? Или... Да мало ли возможных версий!

– Надо же, и не заперто, – заметил стажер.

Мы вошли в пространство, находившееся за дверью, и оказались на площадке. Она была совсем маленькой: вмещала не больше двух человек. На одной из сторон этого пятачка, на стене, была закреплена стальная лестница. Одним концом она упиралась в люк, ведущий на крышу, а другой вел вниз, по всей вероятности – на лестницу, которой можно было воспользоваться в том случае, если отказали оба лифта, и пассажирский, и грузовой. Какая прелесть! Вот и путь, по которому пришел-ушел убийца. И соседи ни при чем. По крайней мере, вполне возможно, что это так.

– Вы здесь осматривали? – спросила я Загребенникова.

– Нет... как-то... так получилось, – смущенно пробормотал он. – Но я сейчас все осмотрю! – с готовностью воскликнул он.

– Подождите, Анатолий, – остановила я Загребенникова.

Я покинула площадку и вышла в кладовку, а затем вернулась на кухню. Несколько растерянный Загребенников последовал за мной.

– А что случилось, Татьяна Александровна? – спросил стажер.

– Сначала необходимо будет пригласить криминалиста, чтобы он все осмотрел, – объяснила я.

– А-а, понял! Вы считаете, что преступник мог оставить там какие-то следы?

– Вот именно, – ответила я и, выйдя в холл, набрала Кирьянова.

– Киря, это опять я, Татьяна, – сказала я. – Ты можешь сейчас договориться отправить на квартиру Подхомутникова криминалиста?

– А для чего, Тань? – удивился Владимир. – Ребята вроде все там осмотрели.

– Вот именно «вроде», – сделала я акцент на последнем слове. – А на самом деле неосмотренным остался важный участок. И, возможно, именно он даст ответ на вопрос, каким образом преступник попал в квартиру и как он оттуда выбрался.

– Сейчас, Тань, я распоряжусь, – пообещал Кирьянов и отключился.

– Пока криминалист едет, я пойду еще раз поговорю с Октябриной Михайловной, – сказала я. – Возможно, что она что-то знает о лестнице, которая ведет на крышу и вниз. Практически ведь это еще один выход из квартиры. Правда, миновать выход из подъезда посредством него все равно не удастся.

– А мне что делать, Татьяна Александровна? – спросил Загребенников.

– А вы оставайтесь в квартире и ждите приезда специалиста, – распорядилась я.

– Хорошо.

Пока спускалась вниз, я анализировала то, что увидела в квартире Подхомутникова. Художественной мастерской в квартире не было. Но она могла находиться в другом месте. У большинства творческих людей так и заведено. Необязательно писать картины там, где живешь. А если в настоящее время Иннокентий Подхомутников занимается исключительно проведением выставок, а сам не пишет? Тогда ему мастерская не нужна в принципе.

Далее. В квартире нет ничего, что напоминало бы о присутствии в ней женщины. Никаких сугубо женских вещичек типа помады или туалетной воды. В совмещенном санузле, который я осмотрела, только один стакан, одна зубная щетка, один тюбик зубной пасты. Да и сам облик квартиры напрочь отменяет мысль о создании здесь хотя бы какого-то уюта. В квартире не нашлось места ни одной безделушке-побрякушке. Стало быть, Подхомутников действительно жил один.

Я подошла к консьержке.

– Октябрина Михайловна, – обратилась я к женщине.

– Да, что такое? – Она отложила свое вязание и посмотрела на меня.

– Скажите, что вам известно еще об одном выходе из квартиры Иннокентия Константиновича? – спросила я.

– А что вы имеете в виду? – спросила консьержка. – Какой такой выход? Выход из квартир у всех один: на лестничную клетку, – уверенно сказала женщина.

– Нет, – возразила я, – у Подхомутникова имеется еще один выход. И он идет по пожарной лестнице.

– Вы ошибаетесь. Пожарный выход есть, но он не может находиться внутри квартиры. Пожарный выход находится на последнем этаже, это правильно, есть такое дело. Но он никак не может находиться в квартире, – настаивала на своем женщина. – Для того чтобы попасть на крышу, нужно выйти из квартиры и подняться выше по специальной лестнице. И вот там-то и будет дверь, ведущая на крышу. По крайней мере, я всегда так думала.

– Нет, Октябрина Михайловна, выход на крышу находится в самой квартире, – возразила я. – Но вы могли об этом и не знать. Мы сейчас и сами наткнулись на него совершенно случайно.

– Ну надо же! – воскликнула консьержка.

В это время дверь подъезда открылась и в ней показался Виталий Северянинов, эксперт-криминалист, которого я хорошо знала, поскольку мне уже приходилось с ним общаться.

– Виталий, привет, – поздоровалась я с ним.

– Татьяна, приветствую тебя тоже, – отозвался Виталий. – Где тут у вас то, что надо осмотреть?

– Пойдем, я тебе покажу.

Мы вызвали лифт, который доставил нас на последний этаж.

– Здравствуйте, – сказал Загребенников криминалисту, когда тот вошел в холл.

Северянинов кивнул ему.

– Проходи, Виталий, на кухню, – пригласила я. – Необходимо будет обработать саму площадку, а также выход на крышу и спуск вниз.

– Сделаем, – коротко отозвался криминалист и приступил к работе.

Вскоре Виталий вернулся на кухню.

– Готово, Татьяна, – сказал он. – Всю площадку я обработал, осталось только осмотреть крышку люка снаружи.

– Ну а на площадке-то что? Есть что-нибудь? – с нетерпением спросила я.

Северянинов отрицательно покачал головой.

– Увы, Таня, должен тебя огорчить, но внутри никаких следов нет. Вряд ли они обнаружатся и наверху.

– А что ты думаешь по этому поводу, Виталий? – спросила я.

– Ну, тут одно из двух: или убийца здесь не был, или он настолько осторожен, что умудрился не наследить.

– Виталий, но ты все-таки осмотри и внешнюю сторону крышки люка, – попросила я.

– Так это само собой, Таня, могла бы и не напоминать, – с некоторой обидой проговорил Северянинов и отправился наверх.

Вскоре он вернулся.

– Ну вот, теперь уже окончательно можно сказать, что и наверху все чисто, – сообщил Виталий. – Тань, я сейчас осмотрю нижнюю часть лестницы.

– А я тогда поднимусь на крышу, – сказала я.

– Да, уже можно, – кивнул Северянинов.

– Анатолий, – позвала я стажера, – пойдёмте на крышу, посмотрим, что там есть такого интересного.

Мы с Загребенниковым поднялись по лестнице и оказались на крыше. Я первой заметила еще одну крышку, которая закрывала люк. Для этого достаточно было пройти совсем немного в сторону.

– Что, Татьяна Александровна? – спросил подошедший Анатолий. – Еще один пожарный выход?

– Пожарный выход, да. Но только он относится к соседнему дому, – заметила я.

– А ведь верно, – задумчиво произнес стажер. – Дом, в котором жил Подхомутников, и соседняя высотка находятся вплотную друг к другу. Такое впечатление, что это один дом, только два подъезда.

– Но это обманчивое впечатление, – заметила я.

– Да, я согласен с вами, Татьяна Александровна. А как вы считаете, что находится под крышкой люка?

– Скорее всего, точно такая же площадка, как и в квартире Подхомутникова, – сказала я.

– Так это же... Получается, что преступник воспользовался этим ходом! – воскликнул Загребенников. – Он попал в квартиру Подхомутникова через соседний дом, и точно так же покинул ее, совершив убийство. А мы сосредоточили свое внимание только на этом доме, где проживал художник. Октябрину Михайловну допросили по всей форме. А надо было допросить еще и консьержку соседнего дома. Но, Татьяна Александровна, мы ведь совсем не предполагали такого поворота событий. Ведь если бы вы не отыскиали ход на крышу, то...

– Ладно, Анатолий, – прервала я его. – Октябрина Михайловна сказала мне, что она понятия не имела о том, что пожарный выход на крышу может находиться внутри квартиры. Давайте лучше обследуем этот соседний люк. Да, надо бы позвать сюда эксперта, ведь если преступник проник в квартиру Подхомутникова и выбрался из нее посредством соседнего пожарного хода, то, возможно, он оставил свои «пальчики» или какие-нибудь еще следы хотя бы здесь.

Но подошедший Северянинов и здесь ничего не обнаружил.

– Таня, я уверен, что этот преступник дьявольски хитер и нереально аккуратен. Похоже, что он не только был в перчатках, но еще и бахилы нацепил. Должен тебя огорчить, но ничего нет. Да, кстати, я осмотрел нижнюю лестницу.

– Ну и что? – спросила я.

– Да то же самое, то есть нет ничего. Обыкновенная лестница на всякий пожарный, как говорится. То есть присутствует выход на случай пожара. Такой вариант предусмотрен практически во всех высотных домах. Получается, есть лестница, по которой можно спуститься, потому что двери квартир как раз на нее и выходят. Тань, если я больше не нужен, то я пойду, у меня еще несколько адресов. Анатолий, бумажки напишу и положу на ваш стол ближе к вечеру, нормально?

Тот кивнул, а я улыбнулась криминалисту:

– Да, конечно, Виталий, иди. Спасибо тебе большое.

– Да не за что. Удачи тебе, Таня. Вам обоим.

– Спасибо.

Северянинов вышел из квартиры, а мы с Анатолием снова поднялись на крышу и подошли к крышке люка. Крышка легко отодвигалась и освобождала проход вниз. Мы поочередно спустились по лестнице и оказались на площадке. Она была точной копией той площадки, которая обнаружилась в квартире Подхомутникова. Я подергала за ручку двери, но она была закрыта. Тогда я решила постучать, надеясь, что кто-нибудь откликнется.

– Татьяна Александровна, вряд ли кто-то откроет, даже если в квартире сейчас кто-то находится, – заметил Загребенников. – Скорее всего, хозяева просто не услышат.

– Да, вы правы, – сказала я. – Давайте теперь вернемся в квартиру Подхомутникова.

Пока мы спускались по лестнице, я анализировала сведения, которыми располагала. Согласно показаниям консьержки, Иннокентий Подхомутников возвратился поздним вечером, практически ночью, около половины двенадцатого. Он уже приготовился ко сну, но тут на него напал преступник. Он нанес удар по голове тяжелым предметом, а затем отрезал уши и бросил их тут же.

Никаких следов борьбы обнаружено не было. Следов – отпечатков пальцев – не было вообще нигде. Были ли крики о помощи? Если они и были, то услышать их было некому, ведь квартира Подхомутникова была единственной на последнем этаже. Как преступник сумел пробраться в квартиру? Скорее всего, через соседний дом, в котором на последнем этаже имеется точно такой же выход на крышу. Но почему Иннокентий Подхомутников не сопротивлялся? Либо не ожидал нападения, либо был знаком с преступником. Это понятно.

Еще один вопрос: для чего преступник отрезал уши у своей жертвы? Намек на жертвоприношение? Возможно. Но больше все-таки подходит вариант, при котором убийца за что-то мстит Подхомутникову. Или же преступник отрезал уши вовсе не из мести и не для совершения ритуального действия, а для того чтобы направить следствие по ложному пути. Потому что

психически неадекватный человек не будет проделывать такой сложный путь, чтобы попасть в квартиру, убить Подхомутника и отрезать уши. Он выберет жертву более доступную, к которой не нужно пробираться через такие преграды. Кроме того, преступник отрезал Подхомутникову уши уже после того, как нанес удар по голове. Тогда как истинные сектанты – если уж допустить убийство по религиозным мотивам – калечат человека, когда он находится в сознании.

Да, убийца многим рисковал. Кругом люди, пусть не рядом, но все же. Опять же дежурит консьержка... Да, кстати, ведь консьержку из соседнего дома никто не допрашивал. Не допрашивал, потому что тогда еще не было известно о возможном проникновении в квартиру Подхомутника через люк на крыше. Необходимо будет исправить это упущение.

Так что же все-таки с мотивом убийства? Больше данных за то, что преступник вполне себе нормальный, а уши отрезал для того, чтобы выдать убийство за ритуальный акт.

Мы с Анатолием вошли в гостиную, я села на широкий кожаный диван, а стажер встал рядом.

– Садитесь, Анатолий, – предложила я.

– Татьяна Александровна, – неуверенно начал Загребенников, – а вы еще что-то здесь будете осматривать? – спросил он.

– А вы что, торопитесь? – в свою очередь спросила я.

– Да нет... собственно... – замялся Анатолий. – Владимир Сергеевич сказал, что я в вашем распоряжении.

– Тогда скажите мне вот что: поскольку Подхомутников проживал один, был ли кто-то, кто осматривал его квартиру для того, чтобы выяснить, не пропало ли что-либо из вещей?

– Да тут... вообще-то, очень мало таких вещей, которые можно унести с собой. – Загребенников пожал плечами. – Ну, то есть то, что не особо громоздкое.

«Да, действительно, каких-то личных предметов в квартире Иннокентия Подхомутника не наблюдается, хотя этот факт еще ни о чем не говорит. Может быть, характер такой был у человека. Мало ли что, – подумала я. – Или он выбросил ненужные, на его взгляд, вещи не так давно, или же предпочел вообще не обрывать вещами, такое тоже возможно».

– То есть такого человека, который бы проверил квартиру на предмет того, было ли похищено что-либо, вы не нашли? Я вас правильно поняла, Анатолий?

– Да... А! Вот, вспомнил! – радостно воскликнул стажер. – Ведь когда мы приехали по вызову, в квартире вместе с Октябриной Михайловной находился секретарь Союза художников Владислав Шляпников. Он, кажется, осматривал квартиру и сказал, что ничего не похищено, что вроде бы вещи как стояли на своих местах, так и стоят, – добавил Загребенников не совсем уверенно.

Я покачал головой:

– Анатолий, секретарь Союза художников, – это ведь не личный секретарь Подхомутника. Да и в том случае, если бы имелся личный секретарь, вряд ли он бывал бы в его квартире настолько часто, что мог бы заметить отсутствие какой-либо вещи.

– Да, вы правы, Татьяна Александровна, – согласился Загребенников.

«Черт-те что, и сбоку бантик! Один косяк за другим. Пожарный выход в квартире Подхомутника проморгали, пропали ли некоторые вещи или нет, не выяснили», – в сердцах подумала я, а вслух сказала:

– Анатолий, у Подхомутника же имелась домработница? Или экономка? Ну, кто-то, кто следил за уборкой квартиры. Консьержка, помнится, упоминала об этом. Здесь ведь все вылизано, ни пылинки. Вряд ли Подхомутников сам этим занимался.

– Да, конечно, у него есть домработница, ну, то есть женщина, которая наводила здесь порядок, – ответил стажер.

«Уже хорошо, уже легче», – мысленно обрадовалась я.

– Вы ее допросили? – спросила я.

– Нет, мы ее не вызывали, – спокойно ответил стажер.

– Да почему же вы ее не вызвали?

– Ну... она же к убийству вроде как отношения не имеет, убиралась накануне, больше в дом не заходила, это все Октябрина Михайловна нам рассказала, – снова запинаясь, ответил Анатолий. – А что, полагаете, надо было с ней тоже пообщаться?

– Вот что, Анатолий, узнайте адрес домработницы и вызовите ее сюда, – тоном, не терпящим возражений, сказала я.

– Да, конечно, Татьяна Александровна, я сейчас спущусь к Октябрине Михайловне и узнаю адрес, – засуетился стажер.

– Вы не только узнаете адрес, но и вызовете ее сюда! – повторила я. Учить и учить эту молодежь! Не допросили они домработницу! Человека, который может быть в курсе, пропало что-то у убитого или нет. А пропажа чего-то ценного, между прочим, может указать и на преступника, и на мотив преступления заодно. Только эти уши... не особо вписываются, ну да ладно, разберусь.

– Да, да, конечно.

Загребенников мухой кинулся выполнять мое распоряжение. Уже минут через семь он вернулся в квартиру.

– Татьяна Александровна, адрес домработницы я узнал и вызвал ее сюда, – отрапортовал стажер.

– Отлично, дожидайтесь ее здесь, а я пойду в соседний дом и поговорю с консьержкой. Узнаю, известно ли ей о наличии люка на крыше, приходили ли в подъезд посторонние в тот день. Кроме того, нужно будет выяснить, кто проживает в той квартире. И может быть, хоть там обнаружатся камеры?..

В подъезде соседнего дома за такой же стеклянной перегородкой сидела женщина, по виду ровесница Октябрины Михайловны. Она читала какую-то книгу, но мое появление заметила сразу же и тут же отреагировала.

– Девушка, вы к кому? – строго спросила консьержка, хотя я была еще на довольно большом расстоянии от нее.

– Здравствуйте, – сказала я, подойдя к женщине, – я частный детектив, Татьяна Александровна Иванова.

– Частный детектив? – переспросила она. – А удостоверение у вас имеется?

– Конечно, вот, пожалуйста, – я вынула из сумки разрешение заниматься частными расследованиями и протянула консьержке.

Женщина принялась изучать мою лицензию. Изучала она ее долго, сначала прочитала один раз, потом прошлась по документу повторно. Наконец женщина вернула мне лицензию.

– А чем я могу вам помочь? – удивленно спросила консьержка.

– Вас как зовут? – спросила я.

– Альбина Федоровна, – ответила женщина.

– Альбина Федоровна, я расследую убийство Подхомутникова Иннокентия Константиновича, – объяснила я.

– А-а, так это не у нас. Он жил в соседнем доме. А у нас все тихо и спокойно, никаких убийств, слава богу, нет.

– Хорошо, что в этом доме есть такая бдительная женщина, как вы, – немного польстила я ей.

– Ну а как же, – довольно произнесла консьержка. – Вы не смотрите, что я читала, когда вы вошли. Некоторые жильцы, правда, выражают свое недовольство этим, но я всегда замечаю входящих в подъезд, как только открывается входная дверь. Да, вот так-то. А читаю я не какое-то там низкопробное чтиво, а про людей искусства. Вот смотрите, эта книга называется

«Если бы Моцарт вел дневник». Это целая серия, есть еще книги и о других композиторах. Я ведь по образованию пианистка, окончила нашу консерваторию, преподавала в музыкальной школе. Теперь вот вышла на пенсию, а все равно приходится работать, потому что на нее выжить очень трудно. Да и дочке с внучкой надо помогать, не без этого. – Она вздохнула. – Так что вам, Татьяна Александровна, надо пройти в соседний дом.

– Пойдите, Альбина Федоровна... А почему у вас дверь отперта? В соседнем доме постоянно закрыто, и Октябрина Михайловна впускает людей только по звонку домофона.

– Так уже неделю как не могут кнопку на моем пульте починить, – пожалала плечами женщина. – А целый день туда-сюда не набегаешься! Вот и пришлось дверь открытой держать.

– И что, вы постоянно на рабочем месте? Никуда не отходите?

– Практически нет, – покачала головой женщина. – Разве что на пару-тройку минуток, ну сами понимаете, по надобности.

– На это время дверь запираете?

– Нет, конечно! Но никто из жильцов не жаловался. Да и не так часто сюда гости ходят.

Обычно заранее жильцы предупреждают.

Всё страньше и страньше, как говорила милая девочка из одной странной сказки.

– Альбина Федоровна, я уже беседовала с Октябриной Михайловной, но у меня к вам совсем другой вопрос будет.

– Да, и какой же? – спросила консьержка.

– Вы же дежурили в тот день, когда обнаружили убитого в соседнем доме?

– Ну да, моя смена была. Она в десять утра заканчивается, тогда мы и поменялись.

– А вопрос мой касается владельца квартиры на последнем этаже этого дома. На крышу из этой квартиры ведет запасной ход. Вы знали об этом?

– Никогда раньше об этом не слышала, – с удивлением произнесла консьержка. – Правда, я и работаю здесь сравнительно недавно. А может быть, вы имеете в виду пожарную лестницу, Татьяна Александровна? Так она имеется во всех домах, как же без нее. Но чтобы выход на крышу был прямо из квартиры...

– Нет, Альбина Федоровна, – покачала я головой, – я говорю не о пожарной лестнице, а именно о выходе на крышу, и именно из квартиры. Вот именно поэтому я и пришла к вам. Что вы можете сказать о хозяине квартиры на последнем этаже?

– Это не хозяин, а хозяйка, очень приятная, интеллигентная женщина, – ответила консьержка.

– Ее можно сейчас увидеть? Она в настоящий момент находится дома? – спросила я.

– К сожалению, дома ее нет, Алевтина Геннадьевна Митрошечкина сейчас в командировке, – ответила консьержка.

– А когда она вернется из командировки? – спросила я.

Женщина удивленно посмотрела на меня.

– Ничего не могу сказать, она же мне не докладывает.

– А давно Митрошечкина уехала в командировку? – задала я следующий вопрос.

– Да с неделю, наверное, будет.

– А как с ней можно связаться? – продолжила допытываться я.

– Ну, не знаю, – пожалала плечами женщина, – скорее всего, никак. Надо дожидаться, когда она вернется.

– То есть у вас номеров телефонов жильцов нет? – продолжила допытываться я.

– Да нет, конечно. Только номера домашних... ну и еще система связи с квартирой, как домофон, только с моего пульта. Ведь надо спросить, впустить посетителя к жильцу или нет? Я ведь всего лишь дежурная по подъезду, хотя и называюсь консьержкой. Как за границей, – усмехнулась женщина.

– Ну а если какой-то форс-мажор? Какой-нибудь экстренный случай, вроде пожара? Или кто-то из соседей кого-то затопил? Как быть тогда?

– Ну, так аварийку можно вызвать или пожарных. Нет, в управляющей компании такие сведения о жильцах, скорее всего, и есть. Можно узнать. Только вот общаться с ними очень трудно.

– Почему же?

– Грубят, хамят, обрывают на полуслове, – консьержка махнула рукой, – все как везде.

– Понятно. Скажите, Альбина Федоровна, в то время, пока Митрошечкина находится в командировке, к ней кто-либо приходил?

– К ней приходит ее приятельница, женщина примерно ее возраста. Дело в том, что у Алевтины Геннадьевны имеется кошка породы сфинкс, кажется. А может, какая и другая порода, я в кошках не разбираюсь. Так вот эта приятельница приходит покормить кошку, – объяснила консьержка. – А не проще бы было этой подруге забрать кошку к себе на время командировки Митрошечкиной, чем приходиться каждый день для того, чтобы ее накормить?

– Пробовали, да только ничего из этого не вышло. Кошка-то такая привередливая у нее. Помню, посадили ее в переноску, а она такое устроила! Орала, царапалась, чуть ли не всю корзину подрала. Поэтому было решено оставить ее на месте.

– А в тот день, когда был убит мужчина из соседнего дома, к Митрошечкиной приходила ее подруга? – спросила я.

– Насчет того, приходил ли кто к Алевтине Геннадьевне, давайте вспомнить... Вроде бы... приходила... Не могу точно ответить, Татьяна Александровна. Память уже подводить стала. Для меня что главное? Чтобы чужие не прошли. Поэтому, если я человека вижу первый раз, то учиняю ему допрос с пристрастием. Потом созваниваюсь с владельцем квартиры, куда гость пожаловал. Если всё в порядке, то пропускаю. Если вижу, что визитер подозрительный или хозяина дома нет, то сразу от ворот поворот даю. А приятельницу Алевтины Геннадьевны я хорошо знаю, она ведь не впервые сюда пришла. Поэтому ее я не считаю чужой, – объяснила консьержка.

– Я вас поняла, Альбина Федоровна, – сказала я, – спасибо за информацию. А кто-нибудь еще из незнакомых и подозрительных в тот день в подъезд заходил?

– Вы знаете, нет. Вообще людей мало было, обычно больше, – пожала плечами консьержка. – Приходили: сын к музыканту в квартире на втором этаже, этот регулярно заходит, давняя приятельница к учительнице физики с пятого этажа. Ну и сами жильцы туда-сюда ходили.

– Спасибо, – еще раз поблагодарила я.

– Всего вам доброго и удачи, – пожелала женщина.

Я вышла из подъезда соседнего дома и вернулась в квартиру Иннокентия Подхомутникова. Загребенников встретил меня в холле и сообщил:

– Татьяна Александровна, домработница Подхомутникова уже пришла, она сейчас находится в гостиной.

Я миновала холл и вошла в гостиную. На диване сидела худощавая темноволосая женщина лет пятидесяти.

– Здравствуйте, – поздоровалась я с ней.

– Здравствуйте, – ответила женщина.

– Меня зовут Татьяна Александровна, – представилась я. – А к вам как можно обращаться?

– Валентина Борисовна.

– Валентина Борисовна, вам уже сообщили, что Иннокентий Константинович был убит ночью в своей квартире?

– Да, вот молодой человек сказал мне, – домработница кивнула на стажера. – Какой ужас! Кто же мог сделать такое?

– Мы как раз сейчас это и выясняем. Валентина Борисовна, нам требуется ваша помощь.

– Да, конечно.

– Вы ведь производили уборку у Иннокентия Константиновича, так? – спросила я.

– Да, я убиралась у него. Приходила через день, так мы с ним договорились, – пояснила женщина.

– В таком случае вы, конечно же, можете сказать, все ли вещи в квартире на месте или что-то отсутствует. Посмотрите, пожалуйста, внимательно, – попросила я.

Домработница сначала вышла в холл, потом осмотрела кухню, санузел, вернулась в гостиную и сказала:

– В этой комнате всегда стояла бронзовая статуэтка Будды. Вот на той вот полке. А сейчас ее здесь нет, пустое место. А статуэтка эта была старинной работы. И Иннокентий Константинович очень ею гордился. Кажется, он привез этого Будду из Монголии, когда наш театр оперы и балета был там на гастролях.

– Но, может быть, Иннокентий Константинович отнес ее в спальню? – предположила я. – Посмотрите еще и там. Кстати, вы ведь еще не заходили в спальню. Возможно, что и там чего-то недостает.

Домработница отправилась в соседнюю комнату. Через несколько минут она вышла оттуда и сообщила:

– В спальне все стоит на своих местах. Но статуэтки там нет. Да и не мог Иннокентий Константинович ее туда перенести. И вазы нет. Дорогая, какая-то восточная керамика. А уж тяжеленная! С рисунком из каких-то то ли китайцев, то ли японцев на фоне цветущей вишни. Она на прикроватной тумбочке всегда стояла.

– Так, значит, статуэтки нет, – резюмировала я. С вазой-то все ясно – орудие убийства было изъято криминалистами. – Скажите, Валентина Борисовна, вот мне при осмотре квартиры сразу бросилось в глаза то, что квартира лишена каких-то индивидуальных предметов, которые говорили бы о пристрастиях ее хозяина. Ну, то есть нет здесь ни сувениров, ни именных подарков, например. Нет даже записных книжек или ежедневников. Как будто человек приехал в гостиничный номер и там какое-то время проживал. Но ведь Иннокентий Константинович не вчера сюда вселился, верно? Что вы можете сказать по этому поводу? – спросила я.

– Да что тут скажешь. Ну, есть такие люди, которые не любят выставлять напоказ то, что им дорого. Возможно, что и не хранил он ничего такого особенного. Я считаю, что многое зависит от человека, от его характера. Есть люди, которые умиляются всему, а Иннокентий Константинович был не то что сухарь, но и не душа нараспашку, как говорится. Иннокентий Константинович много времени отдавал своей картинной галерее и работе в Союзе художников. Он часто устраивал художественные выставки. Он был человеком дела. Возможно, поэтому у него и не было потребности предаваться воспоминаниям. У него просто не было на это времени, я так думаю. А может быть, было у него в прошлом что-то такое, о чем он не хотел вспоминать. Вот поэтому, скорее всего, он не хранил вещи, которые напоминали бы о прошлом, – высказала свое предположение домработница.

– Значит, Иннокентий Константинович жил здесь один, – заметила я.

– Ну, судя по тому, что во время уборки мне не попадались на глаза предметы, которые говорили бы о том, что здесь побывала женщина, то вы правы.

– Понятно. А гости у него здесь бывали? Я имею в виду, устраивал ли Иннокентий Константинович здесь праздники, дни рождения? – задала я следующий вопрос.

– Нет, – подумав, ответила домработница. – Во всяком случае, мне пришлось бы убирать после таких застолий. Наверное, он заказывал столик в ресторане, если была такая необходимость.

– А каким был Иннокентий Константинович по характеру? Ну, как он вел себя с вами? – спросила я.

– Он был очень вежливым, спокойным, рассудительным человеком. Что в отношении меня, что в отношении других людей. Я часто слышала, как он разговаривал по телефону. Спокойный тон, доброжелательность. Знаете, я раньше убиралась в другой квартире. Так там хозяин был грубиян, каких поискать. Сначала он вываливал на человека весь свой негатив, все ругательства, какие только есть, а уж только потом, кажется, начинал осмысливать. Так вот, Иннокентий Константинович был полная противоположность моему прежнему нанимателю.

– А сколько раз в неделю вы сюда приходили для того, чтобы произвести уборку? – поинтересовалась я.

– Обычно через день. Но иногда Иннокентий Константинович звонил мне и говорил, что приходить не надо.

– Валентина Борисовна, а вы убирались во всей квартире? – спросила я.

– Конечно, а как же иначе? – удивилась домработница моему вопросу. – Я же не могла убрать только комнаты, а кухню и санузел оставить неубранными.

– Хорошо, а в кладовке вы тоже убирались? – спросила я.

– А про какую кладовку вы говорите? – еще больше удивилась женщина. – Здесь нет никаких кладовок.

– В кухне есть раздвижная дверь, а за ней находится маленькое помещение, – пояснила я.

– Первый раз об этом слышу. Нет, там я не убиралась. Если бы Иннокентий Константинович попросил меня об этом, я, конечно, стала бы наводить порядок и там.

– Ну, хорошо. Спасибо вам, Валентина Борисовна, – поблагодарила я женщину.

Домработница ушла, Загребенников тоже засобирался. Мы вместе вышли из квартиры Иннокентия Подхомутникова, стажер закрыл ее и вновь опечтал.

Я спустилась в подъезд, вышла из него и направилась к своей машине. Сев в нее, я закурила и стала думать, что мне делать дальше.

Загадка с появлением и исчезновением преступника в той или иной степени разрешилась; правда, доказать чью бы то ни было вину пока не получится: никаких следов. Мотив убийства – возможно, бронзовая статуэтка Будды. Если она действительно такая ценная и раритетная... С другой стороны, если преступник нашел, как проникнуть в квартиру Подхомутникова, мог бы преспокойно выкрасть статуэтку. С его-то аккуратностью и загруженностью нашей полиции вряд ли его бы нашли. Зачем убивать? И эта эскапада с отрезанными ушами – к чему?

Или статуэтка – отвлекающий маневр, а мотив – месть за что-то? Хм...

Или все проще? Преступник и впрямь проник в квартиру Подхомутникова, решившись выкрасть статуэтку, а тут хозяин имущества внезапно вернулся. Ну и... паника, состояние аффекта, удар по голове. Но уши? Эти уши... и символ... Имитация убийства по религиозным мотивам или мести?

В любом случае вырисовываются две основные версии. Поиски статуэтки и выявление недоброжелателя в кругу общения Подхомутникова. Нельзя также сбрасывать со счетов и проведение оккультного акта. А что, если статуэтка Будды имеет свою историю и скрывает какую-то тайну? Ведь, по словам домработницы, Иннокентий Подхомутников привез ее из Монголии. Каким путем он там ее заполучил? Неизвестно. Возможно, и не вполне законным. А если предположить, что у статуэтки уже был хозяин, и он решил вернуть ее себе, а Подхомутникова наказать?

В любом случае сегодня же вечером, когда вернусь домой, посмотрю в интернете все имеющиеся сведения на тему религиозных убийств. Возможно, удастся напасть на след убийцы. Да, вот еще что я упустила из виду: надо будет попросить Кирьянова получить доступ к архиву, содержащему базу совершённых преступлений. Вдруг там будет что-то похожее?

А сейчас я отправлюсь в тарасовское отделение Союза художников и побеседую с секретарем Владиславом Шляпниковым.

Союз художников располагался на улице Талалихина на первом этаже десятиэтажного жилого дома. Я открыла дверь и оказалась в узком коридоре. В нем находились две стеклянные двери. Я открыла одну из них и попала в выставочный зал Союза художников. Насколько я поняла, в данный момент здесь проходило какое-то торжество. Прислушавшись к негромким разговорам вокруг, я узнала, что нахожусь сейчас на чествовании заслуженного художника России Михаила Борисовича Степанова. Собранных в зале было довольно много. По стенам были развешаны картины, а сам юбиляр – седовласый мужчина лет восьмидесяти – сидел за столиком, на котором лежали художественные альбомы и буклеты.

Я посмотрела на картины. Они выглядели красочно и впечатляюще. Особенно выделялись, на мой взгляд, две картины-серии: «Ночью в лесу» и «Осенние мотивы». Мне захотелось рассмотреть их поближе. Тут же ко мне подошли еще две посетительницы – женщины лет сорока. Судя по всему, эти экспонаты привлекли не только мое внимание.

– Как же мастерски ему удалось передать насыщенный колорит леса! – сказала одна.

– Я совершенно с тобой согласна, у него просто волшебная кисть! – поддержала ее другая посетительница выставки.

Я была не совсем согласна с их оценкой картин. Все-таки не может ночной лес, на мой взгляд, изобиловать красными и желтыми тонами. Да и в картине «Осенние мотивы» было чересчур много малинового цвета. В моем представлении традиционный осенний листопад должен был выглядеть несколько иначе. Однако общий колорит леса и в самом деле был передан с большим мастерством.

Пока я рассматривала картины Степанова, за столик рядом с ним села молодая женщина.

– Уважаемые гости – посетители нашей выставки! – начала она. – Я приветствую вас на выставке нашего юбиляра – дорогого Михаила Борисовича Степанова, заслуженного художника России. Я не буду говорить много слов. Лучше всего о нашем юбиляре расскажут его творения и он сам. Пожалуйста, Михаил Борисович, вам слово. Расскажите о себе и о своем творчестве.

Степанов начал свое выступление со слов благодарности и признательности своим учителям, которые были видными художниками России. Затем Степанов рассказал о своей учебе в Московском полиграфическом институте. По возвращении в родной город Степанов начал работать в Тарасовском отделении Художественного фонда России. Рассказал художник и о своем пристрастии к путешествиям. По его словам, рисунки, сделанные под впечатлением от поездок по городам Золотого кольца России, а также в Бухару, Самарканд и Кизи, позднее воплотились в гравюрах.

– Но должен вам признаться, друзья мои, что больше всего люблю свой родной город на Волге, природу и самую широкую, привольную Волгу. Ведь я – коренной волжанин, – сказал Степанов.

Я слушала рассказ Михаила Борисовича и перелистывала альбом «Вселенная художника», в котором находились фотографии работ Степанова. Здесь были узнаваемые достопримечательности Тарасова: государственная консерватория имени Л. В. Собинова, фрагмент набережной с Ротондой, памятник Н. Г. Чернышевскому, известный и любимый тарасовцами сад Липки. Все-таки графика художника более отвечала реалиям, нежели его гравюры. Еще у Степанова удачно получились пейзажи с церквями.

Улучив момент, я вполголоса спросила у одной из женщин, находившихся в зале, где мне найти секретаря Союза художников – Владислава Шляпникова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.